

УДК 94(47)

ГЕРОИЗАЦИЯ И ДЕГЕРОИЗАЦИЯ ОБРАЗОВ ДЕКАБРИСТОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

© 2010 О.Б. Леонтьева

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара

Поступила в редакцию 10.12.2009

В статье предпринята попытка реконструкции образов декабристов, сложившихся в исторической памяти пореформенного российского общества - как в трудах историков, так и в публицистике и художественной культуре. Прослеживается ход формирования “декабристского мифа” русской культуры, вобравшего в себя черты героико-романтического дискурса, либеральной системы ценностей и народнического этоса; а также процесс дегероизации образов декабристов, начавшийся в первые годы XX века в связи с обнаружением исторических документов, не соответствовавших внутренней логике “декабристского мифа”.

Ключевые слова: историческая память, культура России XIX в., декабристы.

Одним из самых перспективных направлений развития современной исторической науки является изучение исторической памяти, ее роли в формировании картин мира и коллективной идентичности общества. Сущность “парадигмы памяти” состоит в том, что предметом исследования становится не историческое событие как таковое, а память о нем, живущая в сознании общества и часто принимающая форму “исторического мифа” – сюжетно-образного повествования, где поступки исторических персонажей наделяются вневременным, архетипическим значением. Для понимания внутренних механизмов создания и сохранения исторической памяти важно обращение к проблемам мифологизации и демифологизации исторических событий: трансформации памяти о реальном событии в исторический миф – и обратного процесса разрушения, дискредитации исторического мифа под напором “неудобных” фактических данных, не соответствующих внутренней логике мифологизированных образов¹.

Восстание декабристов – один из тех сюжетов российской истории, которые играют структурообразующую роль в исторической памяти нашего общества. Объем научной литературы о декабристах поистине колоссален: по различным подсчетам, к середине 1990-х гг. по данной теме было опубликовано более 12 тысяч или даже более 18 тысяч исследований². Эти данные охватывают лишь научные публикации; но со времен Рылеева и Пушкина память о декабристах окутана еще и облаком художественных текстов, созданных в самых разных жанрах: от неосу-

ствленного романа “Декабристы” Л.Н. Толстого – к одноименной драме Леонида Зорина; от поэм Н.А. Некрасова до песен Александра Галича и Булата Окуджавы; от романов Д.С. Мережковского и Марии Марич – до телефильма В. Мотыля по сценарию М. Захарова “Звезда пленительного счастья”; от ленинского “декабристы разбудили Герцена” – к ироничной “Балладе о хроническом недосыпе” Наума Коржавина... В идеологических баталиях к образам декабристов как к заочным союзникам апеллировали представители самых разных направлений общественной мысли: либералы и радикалы, красная профессура и белая эмиграция, официальные советские идеологи и диссиденты-шестидесятники³. Это нерасторжимое сплетение фактических данных и научных гипотез, идеологем и художественных образов позволяет говорить о “декабристском тексте” русской культуры, о “декабристском мифе”, существующем в российском историческом сознании.

Формирование “декабристского мифа” состоялось в эпоху Великих реформ, когда история восстания декабристов стала одним из самых востребованных сюжетов исторической памяти. Наглядное свидетельство тому – непрерывная работа по сбору и публикации мемуаров бывших декабристов на протяжении 1850-1880-х гг. Решающую роль здесь сыграл А.И. Герцен, который предоставил для публикации мемуаров декабристов страницы “Полярной звезды” и “Колокола”, а в 1862-1863 гг. напечатал “Записки декабристов” отдельным изданием в трех выпусках. В 1870-1880-е гг. дело публикации мемуаров декабристов продолжили М.И. Семевский (журнал “Русская старина”) и П.И. Бартенев (журнал “Русский архив”, историко-литературный сбор-

Леонтьева Ольга Борисовна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник.
E-mail: oleontieva@yandex.ru

ник “Деятнадцатый век”). В начале эпохи реформ, на волне этого общественного интереса, роман о декабристах задумал Л.Н. Толстой; судя по сохранившимся наброскам, роман должен был рассказывать об адаптации (скорее, о невозможности адаптации) вернувшегося из ссылки декабриста к изменившемуся за годы его отсутствия столичному обществу. Из этого неосуществленного замысла, как известно, выросла “Война и мир”: “ссылный декабрист Пьер Лабазов” превратился в Пьера Безухова, а его жена Наталья Николаевна (с “усталыми, померкшими, большими и прекрасными черными глазами”), самоотверженно разделившая с мужем сибирское изгнание, – в Наташу Ростову⁴.

Именно в эпоху Великих реформ в литературе, посвященной истории тайных обществ и событиям междоусобицы 1825 г., сложились в основных чертах три альтернативные интерпретации декабристского движения, три дискурса, каждому из которых была суждена долгая жизнь в историческом сознании российского общества: официально-охранительный, либеральный, революционный (героико-романтический)⁵.

Первая интерпретация, воплотившаяся в работах Н.Г. Устрялова и М.А. Корфа, была обязана своим рождением официальным сообщениям о восстании и “Донесению Следственной комиссии”. Действия участников тайных обществ в рамках этого дискурса трактовались как “дерзость” и “злодейство” (как известно, “Донесение” акцентировало царубийственные планы декабристов, замалчивая их социально-политические проекты); подчеркивалась немногочисленность заговорщиков и их принципиальная чуждость русскому обществу: “Замысел, составленный горстью извергов, заразил только ближайшее их сообщество, сердца развратные, или мечтательность дерзновенную, и в десять лет злонамеренных усилий не проник далее: сердце России было для них неприступно”⁶.

Версия вторая – героико-романтическая – интерпретировала восстание как решительный и непримиримый вызов существующим порядкам. Она была обязана своим рождением Герцену, который никогда не жалел проникновенных, восторженных и признательных слов для “мучеников и героев 14 декабря” и, кажется, не находил ни единого пятнышка в их историческом облике⁷. Как недавно было показано в интереснейшем исследовании С.Е. Эрлиха, история движения декабристов в интерпретации Герцена воспроизводила основополагающую структуру евангельского сюжета: героическое самопожертвование, несправедный суд, казнь, воскресение из мертвых и возвращение в мир живых (реальное – из ссылки, метафорическое – в виде мему-

арных текстов)⁸. При этом Герцен акцентировал реальную возможность победы заговорщиков, а его друг и соратник Н.П. Огарев скорее подчеркивал изначальную обреченность декабристов, которые – в его трактовке – сознательно готовились не к победе, а к самопожертвованию во имя свободы⁹. Но и тот, и другой интерпретировали восстание декабристов как бескомпромиссную стоическую борьбу против абсолютного зла – деспотизма и крепостничества, – всецело оправданную исторически и морально.

Революционный “миф о героях” и официальный “миф о злодеях” зеркально отражали друг друга в одном отношении. Герцен, как и официальные историографы николаевской эпохи, настойчиво подчеркивал принципиальную чуждость декабристов их окружению: вспомним знаменитый пассаж о “богатырях, кованных из чистой стали с головы до ног”, которые каким-то чудом родились среди “пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников” и явно принадлежали к иной породе – были “вскормлены, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя”¹⁰.

Наконец, третья интерпретация восстания – “либеральная легенда”, берущая начало от “декабриста без декабря”, политического эмигранта Н.И. Тургенева, – отличалась от двух первых именно тем, что ее приверженцы стремились отыскать “корни” движения, вписать его в контекст предшествующей российской истории. Для этой интерпретации было характерно убеждение, что образ мыслей членов тайных обществ не столь разительно отличался от образа мыслей самого императора Александра I в начале его правления; что постепенная радикализация обществ была закономерным ответом на неустойчивость правительственного курса, колебавшегося между реформами и реакцией; что само восстание “не было заранее намеченной целью общества, а стало следствием совершенно исключительного события” – междоусобицы и переприязни¹¹. Безусловно, самооценка декабристов, их рефлексия по поводу причин и целей движения – вопрос достаточно неоднозначный; отметим лишь, что в большинстве своем материалы мемуаров, опубликованных в 1850-1880-е годы, подкрепляли скорее либеральную, чем героико-романтическую версию истории движения¹².

На рубеже 1860-1870-х годов противостояние различных мифов и интерпретаций, сложившихся вокруг истории декабристов, вступило в новую фазу; соперничающие идеологемы одновременно заявили права на свое место в сознании русского общества.

Официальная интерпретация восстания получила развитие в многотомном труде генерала

М.И. Богдановича по истории правления Александра I (Богданович первым из российских историков получил доступ к засекреченному следственному делу декабристов), а также в мемуарах Н.И. Греча (бывшего друга и единомышленника К.Ф. Рыльева), опубликованных в 1868 году М.Н. Катковым – наиболее дальновидным идеологом пореформенного самодержавия, хорошо владевшим теорией и практикой того, что в наши дни называют “пиаром”. Под пером Богдановича и Греча патриархальная простота трактовок, характерная для николаевской эпохи, уступила место более тонкой стратегии: оба автора стремились создать психологические портреты заговорщиков, объяснить мотивы их участия в движении. Тот и другой прибегли к довольно простому приему, разделив декабристов на две категории: “злодеи”, основными побудительными мотивами которых были честолюбие, неудовлетворенные амбиции или политический фанатизм (П.И. Пестель, К.Ф. Рылев, С.И. Муравьев-Апостол и др.) – и честные люди, “обольщенные души”, искренне желавшие блага России и “сгубленные сумасбродами и негодями” (братья Бестужевы, Г.С. Батеньков, Е.П. Оболенский, М.К. Кюхельбекер, А.З. Муравьев, М.И. Муравьев-Апостол и др.)¹³. Обе публикации тем не менее не достигли своей цели: сочувствие к декабристам к тому времени прочно утвердилось в сознании русской читающей публики, а Великие реформы Александра II воспринимались как долгожданная реализация надежд и чаяний декабристов¹⁴.

“Либеральная легенда” легла в основу проблемно-тематического исследования А.Н. Пыпина “Общественное движение при Александре I” (1870), которое положило начало профессиональному “декабристоведению”; впоследствии логика Пыпина была достаточно точно воспроизведена В.О. Ключевским в “Курсе русской истории” (1883-1884) и “Евгении Онегине и его предках” (1887). Одна из ключевых идей работ Пыпина и Ключевского состояла в том, что движение декабристов было порождено не поверхностным заимствованием западных идей, а “действительными очередными вопросами нашей внутренней жизни”; эта идея явно была направлена против официальной версии. Оба историка были убеждены, что движение декабристов – в отличие от других дворянских движений – носило глубоко национальный и патриотический характер, что оно было свидетельством поворота европеизированных российских дворян к проблемам своего Отечества. Другая центральная идея – что движение поначалу было совершенно благонамеренным, его участники перешли на радикальные позиции лишь вследствие разоча-

рования в серьезности намерений правительства, “не были приготовлены ни к каким заранее условленным действиям”, а на Сенатскую площадь вышли исключительно в силу “несчастной случайности”, – столь же явно представляла собой полемику с героико-романтическим мифом Герцена и Огарева. Объясняя себе и читателю – как случилось, что идеалисты и филантропы вступили на путь вооруженного мятежа? – оба историка ссылались на “энтузиазм”, “политическую экзальтацию” и “романтизм” будущих декабристов; но если для Греча эта экзальтация была проявлением фанатизма заговорщиков, то Пыпин и Ключевский относились к ней как к доказательству их патриотизма и одновременно юношеской наивности. “Они смотрели на окружающее сквозь призму патриотической скорби... – писал Ключевский, – а в этой призме явления отражались под значительным углом преломления. Это мешало разглядеть достижимые цели, взвесить наличные средства, предусмотреть последствия. Они надеялись одним порывистым натиском сдвинуть с места скалу, которая стояла на дороге и которую они называли существующим порядком, разбежались и ударились об нее. Последствием удара было собственное крушение”¹⁵.

И все же наиболее востребованной в общественном сознании пореформенной эпохи оказалась герценовская версия, героический миф о движении декабристов. Именно в начале 1870-х годов был создан важнейший художественный текст “декабристского мифа” – и его создателем стал властитель дум пореформенной эпохи, основоположник нарратива народных страданий в русской художественной литературе Н.А. Некрасов. Две “декабристские” поэмы Некрасова (“Дедушка” – 1870, “Русские женщины” – 1872-1873) не просто закрепили в исторической памяти русского общества романтически-возвышенный образ декабристов и декабристок; они в немалой степени способствовали формированию идейно-образного комплекса народнического мировоззрения, важнейшей составной частью которого был “миф о герое”¹⁶. Страстное поэтическое повествование Некрасова о сознательном самоотречении молодых аристократов и аристократок полностью соответствовало стереотипам интеллигентского сознания пореформенной эпохи. Этика “долга перед народом”; мучительная рефлексия “кающихся дворян”, осознававших крепостничество как свой родовой грех; христианские мотивы самопожертвования, мученичества, презрения к мирским благам; обаяние молодости, отрекающейся от личного счастья; стремление к Поступку, который позволит в одночасье перейти из мира Кривды в мир Правды, – все это создавало общественную потребность в культурном герое опре-

деленного типа (что Ф.М. Достоевский выразил в саркастической, но весьма точной формуле: “аристократ в революции обаятелен”). В лице декабристов эпоха Великих реформ обрела своих героев; а в героико-романтическом “декабристском мифе” все сильнее звучали страдальческие, жертвенные мотивы.

На чьей стороне были симпатии Л.Н. Толстого – очевидно из того, как он впоследствии (в письме от 6 марта 1897 г.) излагал замысел своего романа: “В моем, начатом романе “Декабристы” одной из мыслей было то, чтобы выставить двух друзей, одного, пошедшего по дороге мирской жизни, испугавшегося того, чего нельзя бояться, преследований, и изменившего своему Богу, и другого, пошедшего на каторгу, и то, что сделалось с тем и другим после 30 лет: ясность, бодрость, сердечная разумность и радость одного и разбитость, и физическая, и духовная, другого, скрывающего свое хроническое отчаяние и стыд под мелкими рассеянными и похотями и величание перед другими, в которые он сам не верит”¹⁷. Это признание позволяет заключить, что Лев Толстой в истории декабристов увидел повод еще раз заговорить с читателем о ключевой для его творчества проблеме: чтобы обрести себя, человеку – особенно человеку его круга – нужно пройти через опыт самоотречения. (Интересно, что одна из граней нереализованного замысла Толстого все же нашла свое художественное воплощение в русской литературе. История “декабриста без декабря”, “испугавшегося того, чего нельзя бояться” и предавшего не друзей, а самого себя, столетие спустя была рассказана другими литературными средствами, в совершенно иной культурной и общественно-политической ситуации – в знаменитом “Петербургском романсе” Александра Галича).

С 1870-х годов мотив самопожертвования, самоотречения становится основным в трактовке движения декабристов; к началу XX века он не только возобладал в демократической и либеральной публицистике¹⁸, но и во многом изменил мировоззрение консерваторов. Официальный историограф правлений трех российских императоров Н.К. Шильдер писал, что важнейшей чертой “дела, представителями которого являлись декабристы”, было “самопожертвование, в самом обширном значении слова... Первоначальное движение было, несомненно, чисто и бескорыстно, причем самопожертвование руководителей его является еще тем более ярким, что едва ли кто-либо из них лелеял надежду на успех; все, напротив того, приготавливались пасть жертвою своих убеждений”¹⁹. Великий князь Николай Михайлович в своих исторических трудах также выражал сочувствие декабристам и

считал нужным доказывать, что ответственность за суровый приговор лежала не на его предке, императоре Николае I, а на членах Следственного комитета²⁰. Слова юного декабриста А.И. Одобовского, сказанные им накануне восстания – “Ах, как славно мы умрем!” – превратились в ключевую формулу интерпретации всего движения.

Революция 1905 года открыла историкам доступ к архивам по делу декабристов – и это стимулировало поистине взрывной интерес к проблеме. За исторически короткий промежуток появляется целое созвездие научных трудов, посвященных декабристам: В.И. Семевского, М.В. Довнар-Запольского, Н.П. Павлова-Сильванского, П.Е. Щеголева, К.Н. Левина и М.Н. Покровского и др.²¹. В то же время соприкосновение исследователей с подлинными историческими документами сильнейшим образом способствовало пересмотру исторических мифов о движении декабристов, сложившихся к тому времени в сознании образованного общества.

Причиной переоценки движения стали прежде всего находка и публикация конституционных проектов декабристов – различных вариантов “Конституции” Н. Муравьева, “Русской Правды” П.И. Пестеля и др. Отныне историки воспринимали декабристов как политиков, которые собирались не жертвовать собой и не умирать во имя свободы – а побеждать и переустраивать Россию сообразно своим программным идеалам. Яркий пример тому – исследования В.И. Семевского и М.В. Довнар-Запольского, где подробнейшим образом реконструировалась конкретная социально-политическая программа, организационные формы и внутренние течения движения декабристов²². “Это движение не было случайной вспышкой либерализма... – констатировал Довнар-Запольский. – Декабристы весьма серьезно отнеслись к предстоящей им задаче. Они внимательно изучали современное им положение России и стремились выяснить, при какой форме правления русское государство может достигнуть наивысшего процветания”; “это была серьезная задача, зрело обдуманная”²³. Такая трактовка не соответствовала ни героико-романтической версии с ее культом самопожертвования, ни либеральной версии, согласно которой восстание было “несчастливым происшествием”: на смену образу юных и пылких энтузиастов, которые “разбежались и ударились о скалу”, приходил образ зрелых мужей, реалистично мыслящих политических деятелей.

В этой переоценке свою роль сыграла не только находка конституционных проектов декабристов; не менее важным было то, как изменился к тому времени общественно-политический кон-

текст. Если во второй половине XIX века гражданская свобода оставалась недостижимым идеалом, “Прекрасной Дамой маркизов и русских князей”, то в 1905 году у оппозиции впервые появились реальные шансы на победу. Обращение исследователей к текстам конституционных проектов декабристов означало, что идеи Муравьева и Пестеля оказались включенными в пространство политических баталий начала XX века; программу декабристов стало возможным обсуждать с точки зрения ее реалистичности, социальной основы, соответствия насущным потребностям страны и т.д. – примерно так же, как программу кадетов или эсеров. Так, опираясь на анализ проектов лидеров тайных обществ, К.Н. Левин и М.Н. Покровский предприняли попытку “положить конец всяким разговорам о “внеклассовых” добродетелях декабристов, из одной чистой любви к человечеству стремившихся освободить несчастного, задавленного крепостным правом мужика” и выяснить, в чем состояли подлинные классовые интересы, руководившие декабристами. (Как известно, Покровский пришел к выводу, что движение декабристов представляло собой заговор помещиков, желавших “обуржуазить” свое хозяйство и потому заинтересованных в безземельном освобождении крестьян; затем – на страницах “Русской истории с древнейших времен” – он предположил, что некую роль в заговоре сыграла также “буржуазная интеллигенция”, для которой из всех свобод важнейшей была свобода торговли)²⁴. Круг замкнулся, стороны в споре поменялись ролями: консерватор Н.К. Шильдер с благоговением писал о бескорыстном самопожертвовании декабристов, а для М.Н. Покровского, историка леворадикального лагеря, декабристы представляли в роли своекорыстных защитников эксплуататорских классов. Впрочем, крупнейшие идеологи российской социал-демократии – Г.В. Плеханов и В.И. Ленин – не разделяли точку зрения Покровского, считая декабристов отцами-основателями российского революционного движения, достойными благодарной памяти потомков²⁵.

Открывшийся после 1905 г. доступ к следственным делам нанес самый непоправимый удар романтическому мифу о восстании: грустную и совсем не героическую картину представляли собой “герои 14 декабря”, сознававшие себя перед следствием во всем и выдававшие друг друга. Этот факт – “огромное большинство декабристов выказало самое настоящее малодушие”; “декабристы во время дознания... проявили слишком мало самой простой человечности и порядочности” – с недоумением, разочарованием, горечью или тайным злорадством констатировали все историки, писавшие о декабристах в начале XX века²⁶.

Именно под влиянием открывшихся документов основоположник русского символизма Д.С. Мережковский решился на деконструкцию героического мифа, сложившегося вокруг декабристов. В своих публицистических статьях (сб. “Больная Россия”, 1910), в романах “Александр I” (1911-1912) и “14 декабря” (1918) он подчеркивал откровенную негероичность восстания. История движения декабристов была для него историей слабых, мягких и непоследовательных людей, не уверенных ни в самих себе, ни в правильности предпринимаемых шагов; силой обстоятельств – писал он, – они были вынуждены выйти на площадь, но им самим при этом было “кюхельбекерно и тошно”²⁷. В уста князя Е.П. Оболенского Мережковский вкладывает такую характеристику движения: “Не делатели, а умозрители. “Планщики”, теоретики, лунатики... И не мы одни, – все русские люди такие же: чудесные люди в мыслях, а в деле – квашни, размазни, точно без костей мягкие. Должно быть, от рабства. Слишком долго были рабами”. Впрочем, Мережковский отнюдь не собирался превращать свои романы в антидекабристский памфлет; для него такая трактовка восстания была неразрывно связана с религиозным видением истории: когда силы слабых людей иссякнут, помощь придет свыше, “Россию спасет Мать”²⁸.

Таким образом, за вторую половину XIX – начало XX века все три трактовки движения декабристов – официальная, либеральная и революционная – претерпели существенные изменения: настолько существенные, что ни об одной из них, по существу, нельзя говорить как о константной величине. Образы декабристов в тот период оказались объектом интенсивного исторического мифотворчества; “декабристский миф” вообрал в себя элементы и героически-жертвенного дискурса (героические мотивы восходили к Герцену, жертвенные – к Некрасову), и “либеральной легенды” (идея исторической обусловленности движения, естественности побуждений декабристов). Постепенно “декабристский миф” одержал в общественном сознании убедительную моральную победу над официальной трактовкой восстания; можно уверенно утверждать, что к началу XX века в российском образованном обществе сформировалась атмосфера безоговорочного сочувствия декабристам.

К существенному переосмыслению образов декабристов, сложившихся в исторической памяти российского общества, привело открытие архивов после первой русской революции. Либеральная интерпретация восстания как “несчастной случайности” сдала свои позиции под напором неоспоримых свидетельств – программных документов декабристов: в работах

историков нового поколения декабристы предстали уже не восторженными романтиками, а реалистично мыслящими политиками, родоначальниками партийно-политической традиции начала XX века. Одновременно образы декабристов в общественном сознании начали терять героико-романтический ореол; “снижению”, дегероизации этих образов способствовала и дискуссия о том, можно ли считать декабристскую идеологию выражением тех или иных классовых интересов (классовых – следовательно, не общенародных), и в гораздо большей степени – обнародование фактов поведения декабристов на следствии, явно не соответствующего образу героев.

“Легенда пала, – констатировали Левин и Покровский в 1907 году, – героев романа нет больше, есть живые люди, со слабостями и недостатками, но и со всеми привлекательными чертами живых людей”²⁹. Ход истории, однако, показал, что они поспешили констатировать крушение легенды: в 1920-е годы, несмотря на сплоченные усилия “школы Покровского” по развенчанию героико-романтического мифа о декабристах, миф успешно воскрес – в политической риторике победившей революции, которой требовалась историческая легитимность и достойная “родословная”; в историософии эмиграции, мучительно размышлявшей о парадоксах судьбы “русской свободы”; в научно-популярных очерках П.Е. Щеголева и романе М. Марич “Северное сияние”, которые на многие десятилетия определили восприятие декабристов советской интеллигенцией.

Вероятно, причиной жизнеспособности “декабристского мифа” стало то, что героико-романтические повествования о восстании восполняли общественную потребность в образах героев, способных на самопожертвование и самоотречение ради общезначимых ценностей – гражданской свободы и народного блага. Дискредитация образов декабристов в таком случае свидетельствовала бы о разочаровании российского общества в самих этих ценностях – или же о том, что в общественном сознании эти ценности получили иное воплощение и стали ассоциироваться с образами иных исторических персонажей. Именно поэтому современные дискуссии о судьбе “декабристского мифа” можно расценивать как свидетельство начавшегося концептуального переосмысления исторического пути, пройденного Россией.

Исследование подготовлено в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ О том, как происходит трансформация реального события в миф исторической памяти см., напр.: *Нуркова В.* Историческое событие как факт автобиографической памяти // *Воображаемое прошлое Америки: История как культурный конструкт. Материалы III-ей Летней школы американистики в МГУ им. М.В.Ломоносова 21-23 июня 2000 г.* М.: МАКС Пресс, 2001. С.20-33; о демифологизации исторической памяти см.: *Гришанин П.И.* Белое движение и гражданская война: историческая феноменология и историческая память // *Вопросы истории.* 2008. № 2. С.168.
- ² *Троцкий Н.А.* Россия в XIX веке: Курс лекций. М.: Высш. шк., 1997. С.68; *Эрлих С.Е.* История мифа (“Декабристская легенда” Герцена). СПб.: Алетейя, 2006. С.13.
- ³ См., напр.: *Леонтьев Я.* Может ли подвиг быть напрасным? Юбилейные заметки о декабристах // “Мы дышали свободой...”. Историки Русского Зарубежья о декабристах. М.: Формика-С, 2001. С.7-23; о роли образов декабристов в современном общественном сознании см.: *Эрлих С.* Метафора мятежа: декабристы в политической риторике путинской России. СПб.: “Нестор-История”, 2009.
- ⁴ *Толстой Л.Н.* Декабристы. Роман (1863 и 1884 гг.) // *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. (в 100 т.) / Под общ. ред. В.Г.Черткова. Сер.1: Произведения. Т.17. М.: Гос. изд-во “Худ. лит-ра”, 1936. С. 256-299, особ. с.14-15, 23-25.
- ⁵ М.В. Нечкина в своей классической работе предлагала следующую классификацию дореволюционной историографии движения декабристов: “реакционная правительственная концепция”, “революционная концепция” (она же – “концепция передового лагеря”), “трусливая и ложная либеральная концепция”. Этой классификации в той или иной степени следуют все исследователи вопроса. - *Нечкина М.В.* Движение декабристов. В 2 т. Т.1. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С.6-13.
- ⁶ *Устрялов Н.Г.* Русская история до 1855 года в двух частях. Петрозаводск: Корпорация “Фолиум”, 1997. С.820-824.
- ⁷ *Герцен А.И.* Собр. соч. в 30 т. Т.13. С.67, 70, 142; Т.16. М., 1959. С.237; Т.20. М., 1960. С.346.
- ⁸ *Эрлих С.Е.* История мифа. С.79-90.
- ⁹ *Герцен А.И.* Русский заговор 1825 года // *Герцен А.И.* Собр. соч. в 30 т. Т.13. С.130, 135-136, 139; *Огарев Н.П.* В память людям 14 декабря 1825 (посвящено русскому войску) // *Огарев Н.П.* Избранные социально-политические и философские произведения. Т.1. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952. С.786.
- ¹⁰ *Герцен А.И.* Концы и начала // *Герцен А.И.* Собр. соч. в 30 т. Т.16. С.171.
- ¹¹ *Тургенев Н.И.* Россия и русские / Пер. с франц. М.: ОГИ, 2001. С.139.
- ¹² На это обращал внимание еще М.Н.Покровский: *Левин К.Н., Покровский М.Н.* Декабристы // *История России в XIX веке.* Т.1: Дореформенная Россия. Отдел первый. Изд. Т-ва Бр. А. и И.Гранат и К°, 1907. С.99-100.
- ¹³ *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М.: Захаров, 2002. С.287, 299-300; *Богданович М.* История царствования Александра I и России в его время. Т.6. СПб: Типогр. Ф.Сущинского, 1871. С.411-490.
- ¹⁴ *Пытин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. Изд. 2-е, пересмотр. и доп. СПб.: Типогр. М.М.Стасюлевича, 1885. С.461.
- ¹⁵ Там же. С.355, 361, 420; *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн.3. М.: “Мысль”, 1993. С.418-419, 423, 425-426.
- ¹⁶ *Мозильнер М.* Мифология “подпольного человека”: ра-

- дикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С.41-60.
- ¹⁷ Цявловский М.А. Декабристы. История писания и печатания романа // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. (в 100 т.). Т.17. С.496-497.
- ¹⁸ Васильева Е.Б. Образ декабриста на страницах либеральной прессы второй половины XIX – начала XX века (по материалам журналов “Вестник Европы” и “Русское богатство”) // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. С.124-135.
- ¹⁹ Шильдер Н.К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Т.1. СПб.: Изд-во А.С.Суворина, 1903. С.435-436.
- ²⁰ Николай Михайлович, вел. кн. Казнь пяти декабристов 13 июня 1826 года и император Николай I // Исторический Вестник. 1916. № 7.
- ²¹ Довнар-Запольский М.В. Тайное общество декабристов. Киев, 1906; Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. Киев, 1907; Павлов-Сильванский Н.П. Декабрист Пестель перед Верховным уголовным судом. Ростов-на-Дону: “Донская Речь”, 1907; Семеновский М.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб.: Типогр. Первой СПб. Трудовой Артели, 1909 (впер. опубл. в журн. “Русское богатство” за 1907-1908 гг. под заглавием “Очерки из истории политических и общественных идей декабристов”); Левин К.Н., Покровский М.Н. Декабристы // История России в XIX веке. Т.1: Дореформенная Россия. Отдел первый. Изд. Т-ва Бр. А. и И. Гранат и К°, 1907; Щеголев П.Е. Декабристы. М.-Л.: Госиздат, 1926 (авторский сборник статей, опубликованных с 1903 г.).
- ²² Семеновский В.И. Очерки из истории политических и общественных идей декабристов // Русское богатство. СПб., 1907. № 5. С.107.
- ²³ Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. С.IV, 91.
- ²⁴ Левин К.Н., Покровский М.Н. Декабристы. С.102-113; Покровский М.Н. Избр. произв. в 4-х кн. Кн.2: Русская история с древнейших времен (тома III и IV). М., 1965. С.173, 237.
- ²⁵ Для Г.В.Плеханова декабристы были “революционерами из интеллигенции”, для В.И.Ленина – “дворянскими революционерами”. Плеханов Г.В. 14 декабря 1825 г. Речь, произнесенная на русском собрании в Женеве 14 (27) декабря 1900 года. М.-Л.: Госиздат, 1926; Ленин В.И. Памяти Герцена // Ленин В.И. ПСС. Т.21. С.255-262.
- ²⁶ Семеновский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. С.677; Павлов-Сильванский Н.П. Декабрист Пестель перед Верховным уголовным судом. С.4; Левин К.Н., Покровский М.Н. Декабристы. С.133-135; Щеголев П.Е. Декабристы. С.138; Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 года. С приложением военно-исторической справки Г.С.Габаева “Гвардия в декабрьские дни 1825 года”. М.-Л.: Госиздат, 1926. С.135.
- ²⁷ Меружковский Д.С. “Больная Россия”. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С.139-142.
- ²⁸ Меружковский Д.С. 14 декабря // Меружковский Д.С. Собр. соч. в 4 т. Т.4. М.: Правда, 1990. С.45, 258.
- ²⁹ Левин К.Н., Покровский М.Н. Декабристы. С.100.

HEROES-MAKING AND DISILLUSIONMENT WITH HEROES: THE IMAGES OF DECEMBRISTS IN THE HISTORICAL MEMORY OF THE RUSSIAN SOCIETY IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURY

© 2010 O.B. Leontieva

Volga Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Samara

The article is devoted to the images of the Decembrists in the historical memory of the Russian society – in the historical publications, political journalism and arts. The author reconstructs the logics of formation of the “Decembrists’ Myth” in Russian culture as a mix of the heroic romantic discourse, liberal values and populist ethos; she also concentrates on the process of the disillusionment with the “Decembrists’ Myth” which started with the publication of the myth-breaking archival documents in the very beginning of the 20th century.

Key words: historical memory, Russian culture of the XIX century, Decembrists.